

54

Pro domo sua [] (По поводу работ М. Соколова, на выставке Ярославского художественного общества)

Выставка картин Ярославского художественного общества имела слишком местный характер, имена художников и их художественной облик ближе местным ценителям, поэтому не касаясь выставки в целом, я упомяну только о творчестве Михаила Соколова, случайно-го участника на этой выставке.

Сделать это вынуждает меня глубокое непонимание, проявленное Ярославским обществом к работам этого художника и ряд просьб, обращенных ко мне за "пояснениями" о художественных намерениях Соколова. Для местной прессы статья эта является .

Только сугубый провинциализм мог создать те суждения, которые приходилось слышать от местных ценителей искусства о произведениях, по существу, не являющихся чем-либо исключительным среди современных течений в живописи.

Сознаю, что слишком неблагодарная задача убедить или разубедить в чем-либо тех, кто увидел в некоторых работах Соколова чуть ли не "профанацию искусства" и "вызов эстетическому чувству".

Мои строки для тех, кто доверчиво отнесся к творчеству Соколова, но "не понял" его художественного замысла.

Отдельная комната, отведенная Соколову, чрезвычайно показательна, ибо дает возможность проследить процесс творческой эволюции за многие годы и постепенное нарастание, как идеино-го, так и чисто живописного содержания в его работах.

Начав с импрессионистических рисунков, в которых главной побудительной причиной творчества было желание дать красивую

линию. Соколов постепенно перешел к рисункам, где линия уже потеряла самостоятельную ценность и где посредством ряда комбинаций с плоскостями дана форма предмета.

Чтоб осмыслить эти рисунки (напр. ^{имею} "Даму на диване"), нужно подойти к ним не с обычной точкой зрения на реалистический рисунок, каковы хотя бы рисунки Серова, а с несколько иными суждениями.

Нужно иметь в виду, что основной задачей художника было стремление создать форму предмета, и для этого он отбрасывает все элементы, мешающие ее наиболее рельефному выделению. В этих рисунках нет перспективы, нет света и тени, нет обычной натуралистической пропорции в соотношениях человеческого тела.

Все эти элементы, мешающие выявлению формы предмета, сознательно устраниены из рисунка, поэтому и искать их бесплодно, а указывать, что нос или глаз в портрете не "на месте", — по просту безграмотно, ибо слишком наивно предполагать, что у художника отсутствуют элементарные способности зрительного восприятия.

Ряд работ маслом обнаруживает в Соколове не только хорошего рисовальщика, но и большого колориста.

Живописная задача в них та же, что и в рисунках, то есть дать форму, но уже не через линию, а через краску.

В *natures mortes* эта форма, выходя из зрительных впечатлений и нарушая обыденные пропорции, строится по плану художника.

Такое построение формы предмета на плоскости, а не только зрительная передача его, и ведет к тому сдвигу, который наблюдается в работах Соколова.

Его полотна отступают от натуралистической передачи внешнего

предмета, и композиция их организуется творческой волей художника.

В "Музыкальных инструментах" уже полный уход от зрительных представлений о предмете и создание собственного музыкального инструмента, таковым, каковым он рождается в творческой иллюзии.

Дальнейший шаг по пути создания собственной вещи естественно приводит к тем рельефам, два варианта которых выставлены Соколовым и где краска заменена материальными предметами. Подобные рельефы -- лишь логический шаг в эволюции художественной формы.

Сначала форма только подчеркивается, потом строится, в дальнейшем уже создается. Рельефы эти все же остаются в пределах живописи.

Элементы живописи здесь налицо: двухмерная плоскость; крачесочные соотношения, благодаря разнообразному цвету предметов; композиция, построенная по живописным принципам; наконец, разработка поверхности или фактуры.

Это не скульптурные произведения, а живопись, и если их можно условно назвать рельефами, то только живописными рельефами.

Но как бы ни относиться к работам Соколова со стороны их "содержания", несомненно, что в них обнаружено большое мастерство.

Умение, любовь к работе, большие технические данные, по моему глубокому убеждению, должны примирить с художником и тех, кто несогласен с его трактованием живописных проблем и с его подходом к предметам видимого мира.

Полагаю, что всякий не чуждый эстетического чутья, как бы отрицательно не относился он к содержанию работы, должен увидеть в Соколове серьезного и искреннего работника, любящего свое *métier*, ищущего новых путей в искусстве, не замкнувшегося в круг узких достижений, впитывающего в себя разнообразные веяния современности. Эти искания, эта разнохарактерность манеры и приемов мастерства возбуждают к его творчеству интерес, окрыляют мысль, возбуждают надежды и ожидания.

В его комнате нет затхлой и удушающей атмосферы, дышится легко и вольно.

Соколов, выставлявший главным образом на выставках Петрограда, "волею судеб" занесенный в Ярославль, впервые выставил большое количество работ за промежуток времени от 1913 по 1918 год.

Можно было бы возразить о целесообразности выбранного им места -- именно Ярославль, если бы на это не повлияло простое обстоятельство: ~~то~~, пребывание в этом городе.

Таким образом, это был случайный, а не сознательный выбор.

Т. Н. М.

"Новый путь", 25 (12) мая 1918 г.,
№ 57.